

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ШЕСТАЯ

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1924

ПЕТРОГРАДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ СМУТЫ.

Изъ воспоминаній Д. И. ДЕМКИНА.

Воспоминанія Д. И. Демкина, долголѣтняго дѣятеля Петроградскаго городского общественнаго управленія, рисуютъ намъ печальную картину нравственной неустойчивости извѣстной части русскаго общества, столь много способствовавшей успѣху смуты. Точно или не точно переданы авторомъ его впечатлѣнія, — отвѣтственность за это всецѣло на немъ остается — но въ существѣ онѣ вполне совпадаютъ съ свидѣтельствомъ другихъ очевидцевъ событій первыхъ дней смуты, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Легкость, съ которою люди, стремившіеся подладиться въ тонъ событіямъ, отрекались отъ своего прошлаго и отъ того, чему всю жизнь служили и поклонялись, особенно ярко отмѣчена членомъ Французской военной миссіи, профессоромъ Легра.*) Записавъ свои впечатлѣнія первыхъ дней смуты въ Могилевѣ, этотъ иностранецъ, хотя и находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ одного изъ дѣятелей перваго состава Временнаго Правительства, и смотрѣвшій на событія его глазами, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ подъ 2-мъ Марта 1917 года: «Нѣкоторые изъ военныхъ предають Императора съ развязностью, повергающей въ грусть... Возмущаешься поведеніемъ этихъ людей, которые выросли подъ сѣнію Трона, лизали руки, льстили ловили, подачки...»

Къ нимъ, къ этимъ людямъ, къ ихъ поведенію относятся и полныя горечи слова, которыми отрекшійся Государь закончилъ запись Своего дневника подъ тѣмъ же днемъ: «Кругомъ измѣна и трусость и обманъ.»

Пусть же имена ихъ сохраняются въ памяти потомства... (Ред.)

*) Jules Legras. Mémoires de Russie. Payot. Paris, 1921, p. 167.

Болѣе, чѣмъ за четыре мѣсяца до революціи для меня стало ясно, что готовится ниспроверженіе строя и что, не смотря на доблесть войскъ и изобиліе вооруженія и снарядовъ, вести войну далѣе мы не будемъ. Къ такому заключенію я пришелъ на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными совершенно случайно. Особенно въ мою память врѣзались нѣсколько фразъ, сказанныхъ въ Октябрѣ 1916 года гласнымъ «обновленческой» партіи, С. В. Ивановымъ, сообщившимъ, что незадолго до того возвратился изъ Ставки Предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, имѣвшій откровенный разговоръ съ генераломъ Алексѣевымъ, по поводу современнаго положенія Россіи и непорядковъ въ правительствѣ и при Дворѣ. Когда Родзянко, по словамъ Иванова, обратилъ вниманіе генерала Алексѣева на то, что единственнымъ учрежденіемъ, которому вѣритъ народъ, является Государственная Дума, то Алексѣевъ, будто бы, спросилъ: «такъ почему же Вы не берете все дѣло въ свои руки? Берите, я Вамъ въ этомъ помогу». Хотя С. В. Ивановъ былъ полнымъ ничтожествомъ въ городскихъ дѣлахъ по своей неосвѣдомленности и занимался болѣе политиканствомъ, нежели городскимъ хозяйствомъ, но онъ постоянно вращался въ кругахъ близкихъ къ Государственной Думѣ и зналъ обыкновенно всѣ новости, изъ нея исходившія. Дослужившись какимъ то образомъ изъ предсѣдателей уѣздной земской управы до должности Товарища Государственнаго Контролера, онъ былъ отъ нея уволенъ и назначенъ въ одинъ изъ старыхъ Департаментовъ Сената съ окладомъ въ 12.000 руб., присвоеннымъ его прежней должности. Въ Сенатѣ

онъ подвергнуть былъ, однако, небывалому до тѣхъ поръ въ практикѣ пониженію, а именно переводу въ Общее Собраніе съ уменьшеніемъ оклада до 3.000 руб. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что онъ съ другими лицами образовалъ общество активной борьбы съ законами, которые они считали несоотвѣтствующими духу времени. Послѣ этого, какъ всякій чиновникъ, считающій себя обиженнымъ несправедливостью начальства, С. В. Ивановъ сдѣлался ярымъ врагомъ правительства.*)

Не надо было быть особенно дальнозоркимъ, чтобы понять, какое дѣло должна была взять въ свои руки Государственная Дума, независимо отъ тѣхъ обязанностей, которыя были возложены на нее закономъ, а также, какой результатъ будетъ имѣть перемѣна правительственной власти во время войны, когда къ этой перемѣнѣ ведутъ дѣло Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, имѣющій въ рукахъ всю воинскую силу Имперіи, Предсѣдатель Государственной Думы и вліятельнѣйшій членъ ея, А. И. Гучковъ, личный врагъ Государя. Дальнѣйшія событія и поведеніе всѣхъ названныхъ лицъ во время революціи доказали правильность составившагося у меня мнѣнія. Обычное у насъ будированіе противъ правительства, которымъ въ доброе старое время охотно занимались либеральные чиновники, а отчасти и столичные обыватели, уже давно отошло въ область преданія, особенно послѣ того, какъ манифестъ 17 Октября 1905 года, въ числѣ прочихъ свободъ неопредѣленнаго очертанія, возвѣстилъ также свободу образованія союзовъ и обществъ. Послѣдствіемъ этого было то, что различныя общественныя организаціи, одна за другой, иногда въ одинъ и тотъ же день, дѣлали однородныя постановленія, производившія впечатлѣніе, будто огромная масса населенія, чуть не единогласно, признаетъ несовершенства существующаго порядка, единственнымъ способомъ улучшенія котораго представляется приглашеніе къ управленію государственными дѣлами лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ населенія. Правительство, къ прискорбію, не видѣло или не хотѣло видѣть, что во всѣхъ этихъ обществахъ — сословныхъ, земскихъ, городскихъ и союзахъ — орудуютъ одни и тѣ же лица, и что всѣ эти

*) Свою карьеру С. В. Ивановъ закончилъ Министромъ Сѣверо-западнаго правительства, въ коемъ онъ состоялъ, по его собственному признанію, всего въ теченіе двухъ часовъ, и въ которомъ состояли Министрами еще двое гласныхъ Петроградской городской Думы, той же партіи — Е. И. Кедринъ и М. С. Маргуліесъ.

общественныя организациі оказываются, такимъ образомъ, союзомъ союзовъ, имѣющимъ единственную задачу навязать Государству общенародную, якобы, волю, замѣнивъ предназначенія правительства предназначеніями непогрѣшимой «общественности». На самомъ же дѣлѣ, такое «выявленіе общественности» было результатомъ энергичной работы социаль-революціонеровъ, дававшихъ свои, хорошо продуманные и выработанные трафареты для другихъ общественныхъ организаций. Впрочемъ Россія уже давно настраивалась на большевистскій ладъ и всѣ идеи, выдаваемые остальными партіями за свои собственныя, были не болѣе, какъ отзвуками идей, проповѣдываемыхъ самой энергичной и въ то же время самой крайней революціонной партіей. Что это было дѣйствительно такъ — достаточно сравнить, на примѣръ, тезисы резолюціи, принятой за границей III партійнымъ революціоннымъ съѣздомъ лѣтомъ 1905 года, на которомъ восторжествовали большевики, съ тезисами Выборгскаго возванія, составленнаго членами Государственной Думы въ 1906 году въ Выборгѣ (о неплатежѣ налоговъ и повинностей, о неадачѣ рекрутовъ въ войска и проч.). Въ составленіи этого возванія дѣятельное участіе принимали и представители кадетской партіи въ Государственной Думѣ, бывшіе одновременно и гласными Петроградской Городской Думы.

Какъ бы то ни было, по совокупности всѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ объединенная дѣятельность союзныхъ и сословныхъ организаций имѣла доминирующее значеніе, настроеніе Петроградскаго населенія въ концѣ 1916 и въ началѣ 1917 года было крайне повышенное и нервное. Всѣ ожидали чего то необыкновеннаго. Святость Царскаго Престола и престижъ Императорскаго дома были поколеблены подъ вліяніемъ самыхъ нелѣпыхъ слуховъ.....

Въ качествѣ Предсѣдателя Правленія одного изъ промышленныхъ обществъ, мнѣ приходилось почти ежедневно бывать въ его помѣщеніи въ 3-мъ этажѣ дома, выходившемъ окнами на Казанскую площадь и часть Невскаго проспекта. Все, что происходило на Невскомъ и на площади, было видно, какъ на ладони. Начиная съ 24 Февраля, было замѣтно особое движеніе на улицахъ. Масса подростковъ, мальчишекъ и дѣвченокъ, появлявшихся неизвѣстно откуда, бѣгали взадъ и впередъ по улицѣ, кричали «ура», дергали за хвосты лошадей казаковъ, для чего то разсѣзавшихъ по улицамъ. Первый день казаки ѣздили все время съ утра до вечера, на другой день ихъ стало уже меньше. Въ этотъ день казаковъ сопровождали, подсмѣиваясь надъ ними и заигрывая съ ними, уже не только под-

ростки, но и взрослые дѣвицы и женщины; кое гдѣ появились кучки рабочихъ.

26 Февраля меня вызвалъ, не помню по какому дѣлу, Градоначальникъ Балкъ, человекъ, совершенно новый въ городской полиціи и мнѣ почти неизвѣстный. Въ разговорѣ я высказалъ удивленіе, почему уже третій день казаковъ выводятъ на улицу, такъ какъ долговременное держаніе воинскихъ частей на улицѣ дѣйствуетъ на нихъ деморализующе, и что былъ уже случай, когда казаки, не дождавшись опредѣленнаго для нихъ времени, самовольно уѣхали въ казармы. «А что же я могу сдѣлать?» сказалъ Градоначальникъ «теперь все дѣло охраны столицы взяли себѣ военныя власти, и есть предписаніе высшаго начальства не примѣнять въ столицѣ никакой силы, а лишь ограничиваться выводомъ воинскихъ частей на улицу.»

27 Февраля мнѣ нужно было быть въ Окружномъ Судѣ. По всему пути отъ Городской Думы, по Невскому и по Литейному были толпы народа, и далѣе угла Кирочной уже проѣхать было нельзя изъ за массы рабочихъ, выступившихъ на улицу вмѣстѣ съ солдатами, которые были безъ офицеровъ и не имѣли при себѣ оружія. Солдаты были въ растерзанномъ видѣ, въ разстегнутыхъ шинеляхъ и съ головными уборами на затылкѣ; они перебѣгали съ одного угла на другой и вовсе не имѣли воинскаго вида. У ѣдущихъ рабочіе отнимали автомобили и угоняли ихъ куда то въ боковыя улицы. На углу Кирочной, я увидѣлъ графиню Панину — будущаго Министра общественнаго призрѣнія во Временномъ Правительствѣ; — графиня то входила въ подъѣздъ своего особняка, то выходила изъ него на улицу, гдѣ толпились солдаты и чернь. Старикъ швейцаръ, болѣзненно моргая слезившимися глазами, укоризненно смотрѣлъ на похождение графини и уговаривалъ ее не выходить на улицу. Она не слушалась и объясняла, что «народъ» ее не тронетъ.

Окружный Судъ уже горѣлъ и потому мнѣ пришлось вернуться въ Городскую Думу. Были подожжены Департаментъ Полиціи, Охранное отдѣленіе и нѣкоторые мировые участки. Поджигатели послѣднихъ полагали, что «охранительныя дѣла» (о наслѣдствахъ послѣ умершихъ) у Мировыхъ Судей — дѣла Охраннаго Отдѣленія. На Литейномъ мосту шла стрѣльба изъ пулеметовъ. Безоружные пока солдаты отъ выстрѣловъ шарахались въ стороны и прятались въ поперечныя улицы. Видя, что солдаты безоружны и безъ офицеровъ, я все еще не придавалъ рѣшающаго значенія ихъ выступленію, полагая, что изъ Финляндіи подойдутъ вѣрныя правительству

войска. Когда же нѣсколько позднѣе я узналъ, что, по распоряженію будущаго Военнаго Министра А. И. Гучкова, развинчиваются на Финляндской желѣзной дорогѣ рельсы и вообще принимаются мѣры къ недопущенію въ столицу нераспропагандированныхъ еще войскъ*) я долженъ былъ признать, что дѣло проиграно. Въ этомъ мнѣніи я еще болѣе убѣдился, когда толпа начала грабить арсеналь и Артиллерійское управленіе.

За три дня до выступленія рабочихъ, мнѣ случилось быть въ этомъ управленіи, и мнѣ показалось весьма страннымъ, что ружья новыхъ и даже старыхъ образцовъ выносили изъ кладовыхъ и ставили на видное мѣсто, ближе къ входу съ Литейнаго.

Въ Городской Думѣ я засталъ группу гласныхъ, прибывшихъ узнать послѣднія новости, и просто посудачить по поводу происходящихъ событій. Гласный С. В. Ивановъ, красный, какъ ракъ, метался изъ стороны въ сторону, спрашивалъ: «приготовлено ли все для приѣма раненыхъ, которыхъ могутъ сейчасъ принести въ Городскую Думу?» Какой то толстый гласный (фамиліи не помню) все время говорилъ по телефону, который помѣщался рядомъ съ моимъ кабинетомъ: «ну, что, графиня, какія новости у Васъ на Литейномъ и Кировой?» «Павловскій полкъ, Вы говорите, перешелъ на нашу сторону? Прекрасно. А какъ другіе полки? Все идетъ, значить, отлично.»

Информация лѣвой части Городской Думы въ отношеніи происходящихъ событій была, какъ видно, полная. Значительная часть гласныхъ была освѣдомлена о всякомъ слухѣ значительно болѣе, нежели правительство и его агенты. Городская Дума дѣлалась революціонной цитаделью, какъ то и было прописано въ одной изъ прокламацій.

Еще до засѣданія Думы 27 Февраля мнѣ стало извѣстно, что Государственная Дума составила Временный комитетъ, а шайка лицъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ рабочимъ, — нѣмецкій агентъ Нахамкесъ (Стекловъ), присяжный повѣренный Соколовъ**)

*) Въ засѣданіи Временнаго Правительства А. И. Гучковъ, какъ извѣстно, удостоился выраженія благодарности по поводу того, что революція въ значительной мѣрѣ обязана своимъ успѣхомъ распорядительности и энергіи его по толковому передвиженію войскъ во время возстанія.

***) «Рабочій» депутатъ Соколовъ сейчасъ же послѣ переворота захватилъ царскихъ лошадей и въ сиреневыхъ лайковыхъ перчаткахъ, развалясь въ экипажѣ, сталъ разъѣзжать по городу.

и другіе — самочинно образовали Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Позднѣе кто то прибавилъ къ заголовку «и солдатскихъ», а потомъ «крестьянскихъ» и, наконецъ, «казацкихъ депутатовъ». Когда я узналъ, что образовались два правящихъ органа, то въ разговорѣ съ лицами, бесѣдовавшими со мною по этому поводу, высказалъ, что дѣло должно окончиться тѣмъ, что или Временное Правительство арестуетъ Совѣтъ рабочихъ и прочихъ депутатовъ, или же Совѣтъ арестуетъ Временное Правительство, смотря по тому, у кого изъ нихъ окажется больше энергіи и распорядительности, и за кого будетъ стоять толпа. Такъ оно, въ концѣ концовъ и вышло: Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, обратившійся всецѣло въ большевистскій органъ, и выдѣлившій изъ своего состава военно-революціонный комитетъ, арестовалъ министровъ-капиталистовъ. Временное правительство, состоявшее изъ говоруновъ, не имѣвшихъ никакого понятія о государственномъ устройствѣ и управленіи, не только не опасалось указаннаго двоевластія, но съ первыхъ же дней оказало поддержку Совѣту, признавъ легальность его существованія и заявивъ, что «правительство управляетъ, а Совѣтъ контролируетъ дѣйствія правительства, и что правительство опирается на Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.» Вводя этой очевидной ложью населеніе страны въ заблужденіе, Временное Правительство, хорошо знавшее самочинное образованіе Совѣта, помимо выборовъ, и его составъ, надѣялось, съ одной стороны, купить расположеніе лѣвыхъ партій, а съ другой возможно долѣе сохранить за собою, неожиданно попавшую въ его руки, власть. Того и другого оно достигло.... но только на короткое время: Совѣтъ былъ въ сносныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока это было нужно главарямъ революціи, пока для престижа ихъ власти необходимо было писать въ возваніяхъ: «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ» (Извѣстія С. Р. и С. Д. 28 - II — 1917 № 2) Когда же Временное Правительство, находившееся съ самаго начала въ сущности въ подчиненіи у Совѣта, сдѣлалось для послѣдняго излишнимъ, въ виду окончательнаго углубленія революціи среди развращенныхъ народныхъ массъ, Временное Правительство было свергнуто.

27 Февраля передъ засѣданіемъ Городской Думы, когда смута вполне уже обозначилась, «прогрессивные гласные» суетились и беспокоились, изыскивая способы и маневры, съ которыхъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало начать злободневныя заявленія. Поводъ самъ собою представился. Городской Голова, П. И. Леляновъ, внезапно

прислалъ заявленіе объ отказѣ отъ должности. С. В. Ивановъ, сообщившій собранію новость, которую, впрочемъ, уже всѣ знали, заявилъ:

1) что Государственная Дума взяла въ свои руки власть, избравъ, для управленія государствомъ, особый временный комитетъ.

2) Что съ предыдущаго вечера вездѣ въ городѣ образовались районные революціонные комитеты.

3) Что въ три часа дня образовался совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

А потому С. В. Ивановъ требовалъ немедленнаго избранія городского головы для постоянныхъ сношеній съ временнымъ правительствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ необходимымъ заявить послѣднему, что Городская Дума поставляетъ себя всецѣло въ его распоряженіе. Несогласные съ этимъ лица должны, по мнѣнію его, Иванова, оставить службу по городскому управленію. Самымъ же подходящимъ кандидатомъ въ Городскіе Головы онъ считаетъ второго Товарища Головы, Ю. Н. Глѣбова, «на практикѣ доказавшаго свою энергію и мужество», (въ чемъ таковыя заключались, Ивановъ не объяснилъ).

Ю. Н. Глѣбовъ съ своей стороны скромно заявилъ, что онъ готовъ принять должность Головы, но лишь при условіи полнаго довѣрія съ ея стороны и одобренія всѣхъ его распоряженій. Дума назначила выборы на слѣдующее засѣданіе.

Гласные — стародумцы — съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга: «будущій нашъ избранникъ выговорилъ себѣ диктаторскія полномочія и предварительное согласіе Городской Думы со всѣми его распоряженіями въ будущемъ, сущности которыхъ мы не знаемъ. При чемъ же тогда мы, гласные, и собраніе Думы.» Гласные-обновленцы, число коихъ съ успѣхомъ революціи вдругъ чрезвычайно возросло, наоборотъ, находили, что требованія будущаго Городского Головы, по важности переживаемаго момента, вполне основательны и что испрашиваемыя имъ чрезвычайныя полномочія ему слѣдуетъ дать. Въ этомъ смыслѣ и состоялось рѣшеніе собранія къ вящему торжеству провозглашавшейся прогрессистами идеи «общественности» и коллегіальности въ рѣшеніи городскихъ дѣлъ.

Это засѣданіе происходило въ необычномъ составѣ. Собраніе оказалось пополненнымъ представителями отъ рабочихъ, явившимися въ Городскую Думу, по примѣру 1905 года, и занявшими мѣста въ залѣ засѣданія. (были ли это дѣйствительно представители рабочихъ, никому въ сущности извѣстно не было). Передъ открытіемъ собранія, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства, засѣдавшій въ

Думѣ на правахъ гласнаго, митрофорный протоіерей Казанскаго собора, Орнатскій, отслужилъ молебствіе и предложилъ текстъ присяги въ вѣрности Временному Правительству, которая потомъ, послѣ принесенія ея, должна была быть запечатлѣна подписями гласныхъ на особомъ листѣ. Многіе гласные, какъ отъ присяги, такъ и отъ подписанія листа уклонились, уйдя изъ зала во время чтенія ея о. Орнатскимъ. Какъ и кѣмъ былъ составленъ и утвержденъ текстъ присяги, никому не было извѣстно; вѣрнѣе всего, это было сдѣлано самимъ протоіереемъ подъ вліяніемъ лѣвыхъ гласныхъ, какъ вообще все дѣлалось въ то время. Болѣе всего хлопотали объ исполненіи обряда присяги Временному Правительству гласные-обновленцы, только что нарушившіе свою присягу Монарху.

Когда гласные съ наведенными людьми (какъ стародумцы называли рабочихъ) заняли мѣста, О. Орнатскій попросилъ слова. Рѣчь его была слѣдующаго содержанія: «сегодня надъ нашей родиной возсіяло солнце свободы. Святая православная церковь всегда была поборницей свободы. Къ сожалѣнію, освобожденіе Русскаго народа отъ вѣковаго гнета не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Многіе наши братья положили свой животъ въ борьбѣ за свободу. Поэтому я приглашаю гласныхъ и прочихъ желающихъ завтра, къ II часамъ утра, въ Казанскій соборъ, гдѣ будетъ отслужено сначала молебствіе, по поводу радостнаго событія водворенія свободы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, а потомъ провозглашена вѣчная память положившимъ свой животъ за свободу.» Почтенный о. Орнатскій, повидимому, забылъ, что не далѣе, какъ за десять дней передъ этимъ онъ съ такимъ же пафосомъ приглашалъ гласныхъ, послѣ ежегодно бывавшаго въ Думѣ 19 Февраля молебствія, вспомнить также о лицахъ, положившихъ животъ свой «за Вѣру, Царя и Отечество».

Вторымъ ораторомъ выступилъ старѣйшій гласный Городской Думы П. П. Дурново. Бывшій въ 1905 году Московсимъ генераль-губернаторомъ, членъ Государственнаго Совѣта по назначенію, генераль-адъютантъ П. П. Дурново, явившійся въ собраніе въ черномъ сюртукѣ, сказалъ слѣдующее:

«Хотя я въ теченіе многихъ лѣтъ носилъ генераль-адъютантскій мундиръ, но дѣлалъ это, признаюсь, по необходимости и съ отвращеніемъ. При первой же возможности я поспѣшилъ его снять. Въ сущности я всегда былъ сторонникомъ свободы и находилъ, что монархизмъ въ Россіи, какъ и вездѣ, отжилъ свой вѣкъ и я удивляюсь, какъ можно теперь имѣть монархическія убѣжденія. Я искренно привѣтствую свободу, заря которой сегодня взошла надъ Россіей.

Объ этомъ я прошу занести въ протоколъ.» Эти слова настолько противорѣчили постояннымъ выступленіямъ и тенденціямъ, проводившимся П. П. Дурново въ Городской Думѣ, что гласный социалистъ, Н. Н. Шнитниковъ счелъ нужнымъ, обращаясь къ старѣйшему гласному, заявить: — «Петръ Павловичъ сказалъ, какъ можно въ настоящее время имѣть монархическія убѣжденія. Отчего же? Я совсѣмъ другого образа мыслей, но нахожу, что убѣжденія монархистовъ-конституціоналистовъ, напимѣрь, въ отношеніи государственнаго устройства, не менѣе почтенны и заслуживаютъ такого же вниманія, какъ и всякія другія.»

Вслѣдъ за этимъ говорили еще двое военныхъ: генераль отъ инфантеріи Юрьевъ и генераль-маіоръ Давыдовъ. Первый изъ нихъ сказалъ: «я вполнѣ присоединяюсь къ словамъ П. П. Дурново, о чемъ тоже прошу занести въ протоколъ.»—«Я тоже присоединяюсь»—заявилъ Давыдовъ, предсѣдатель присутствія по воинскимъ дѣламъ. Рѣчи обоихъ гласныхъ — Юрьева и Давыдова — были совершенно непонятны, въ какомъ отношеніи они присоединялись къ словамъ П. П. Дурново: оба они были въ военныхъ мундирахъ, противъ ношенія коихъ въ своемъ словѣ собственно возставалъ П. П. Дурново. Впрочемъ на такую мелочь, какъ логическій смыслъ произносившихся въ собраніи словъ никто не обращалъ вниманія при общемъ возбужденіи, охватившемъ гласныхъ. Важно было и отмѣчалось лишь то, что самые заядлые консерваторы, бывшіе или только казавшіеся таковыми, славословили революцію и ея идеи, хотя бы самыми несуразными рѣчами. При выходѣ изъ зала засѣданія, тѣ же лица высказывали мнѣнія совершенно обратныя, съ болѣе привычнымъ для нихъ міросозерцаніемъ.

Поучительна судьба, постигшая первыхъ двухъ изъ названныхъ лицъ, хорошо вѣдавшихъ, что они говорятъ и что творять. О. Орнатскій былъ разстрѣлянъ большевиками, причемъ предварительно на его глазахъ были убиты оба его сына.

Особнякъ въ Полюстровѣ, принадлежавшій П. П. Дурново, вскорѣ послѣ помянутаго засѣданія, въ которомъ генераль-адъютантъ отрекся отъ своихъ монархическихъ убѣжденій, былъ захваченъ анархистами, устроившими тамъ свою штабъ-квартиру. Богатѣйшая бібліотека, находившаяся тамъ, была разграблена; дверные и оконные золоченые приборы вырваны изъ своихъ мѣстъ и совершенно открыто распродавались вмѣстѣ съ книгами на примыкавшихъ улицахъ. Напрасны были сѣтованія и жалобы гласнаго на грабежъ. Правительство бездѣйствовало и не принимало ника-

кихъ мѣръ и только когда стали ежедневно писать о подвигахъ анархистовъ въ повседневной прессѣ, и дѣло грозило принять размѣры общественнаго скандала, (появились замѣтки даже въ заграничной печати) Министръ Юстиціи Керенскій пригласилъ къ себѣ прокурора Судебной Палаты и далъ ему порученіе . . . не о томъ, чтобы возстановить законный порядокъ, привлечь къ отвѣтственности анархистовъ, нетерпимыхъ ни въ одномъ государствѣ, — нѣтъ, онъ поручилъ прокурору . . . подыскать новое помѣщеніе для анархистовъ.

Послѣ захвата власти большевиками, П. П. Дурново продолжалъ жить въ своемъ особнякѣ № 18 на Англійской набережной. У него было свыше 20 -ти обысковъ. Товарищи обыскивали его съ ногъ до головы, бросали на диванъ, плевали въ лицо, били по щекамъ. Наконецъ, старикъ не выдержалъ всѣхъ этихъ издѣвательствъ и умеръ.

Послѣ избранія Ю. Н. Глѣбова Городскимъ Головою, освободилась вакансія второго товарища Головы. Новый Городской Голова сразу взялъ дирижерскій тонъ, заявивъ, что онъ, первый революціонный Городской Голова, считаетъ нужнымъ обратить вниманіе собранія на то, что теперь въ Городскую Думу вошелъ новый элементъ — рабочіе. По той роли, которую они исполняли во время ниспроверженія самодержавнаго строя, рабочіе совершенно справедливо претендуютъ на участіе въ управленіи городскими дѣлами и при томъ не въ качествѣ пассивныхъ гласныхъ, но въ качествѣ рапорядительнаго органа Городской Управы. Теперь у насъ освободилась должность второго товарища Городского Головы и они требуютъ выбрать на эту вакансію своего товарища, для чего и указываютъ своего кандидата. «И вы должны,» повысивъ голосъ продолжалъ Городской Голова — «удовлетворить это требованіе и, разумѣется, выбрать то именно лицо, которое намѣтили рабочіе, иначе утратился бы весь смыслъ ихъ предложенія. Да и какого кандидата Вамъ еще нужно? Рекомендуемый рабочими, Никитскій, самый подходящій кандидатъ. Онъ получилъ основательную подготовку для занятія должности Товарища Городского Головы: онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и пробылъ на каторгѣ, въ общей сложности, свыше двадцати лѣтъ.»

Послѣ такой характеристики условій, требуемыхъ отъ лицъ, желающихъ занять должность Товарища Городского Головы, — я нашелъ, что для меня также наступило время сказать нѣсколько словъ:

«Такъ какъ теперь,» сказалъ я, «совершенно измѣнились условія, при которыхъ до сихъ поръ, по закону, протекала служба по выборамъ въ Петроградскомъ городскомъ общественномъ управленіи, измѣнились требованія, предъявляемыя къ лицамъ, занимающимъ выборныя должности, да и самый составъ Думы значительно измѣнился, будучи пополненъ элементомъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ, — я нахожу, что не только должны быть произведены выборы на открывшуюся вакансію Товарища Городского Головы, но что вообще и всѣ лица, занимающія выборныя должности, начиная съ перваго Товарища Городского Головы, должны быть переизбраны. Я же, съ своей стороны, не имѣя того стажа, который апробируется теперь для выборныхъ лицъ, какъ это пояснилъ первый революціонный Голова, отказываюсь отъ занимаемой мною должности.»

Кандидатъ, рекомендованный рабочими, былъ предложенъ записками и затѣмъ въ слѣдующемъ засѣданіи избранъ Товарищемъ Головы. Дѣятельность «рабочаго Товарища Головы» началась съ того, что онъ усиленно сталъ проводить прибавки къ получаемому рабочими содержанію. Благодарствованіе за чужой счетъ — было единственнымъ орудіемъ, которымъ, въ цѣляхъ увеличенія своей популярности, располагали новые «отвѣтственные» работники. Въ скоромъ же времени къ Никитскому, узнавъ про его щедрость за общественный счетъ, стали являться одна за другою депутаціи отъ рабочихъ съ прошеніями о прибавкахъ. Такъ, помню, пришли рабочіе городского ассенизаціоннаго обоза и требовали прибавить къ получавшемуся ими, при готовой квартирѣ и рабочей одеждѣ, содержанію въ пятьдесятъ рублей, еще девяносто рублей. Никитскій тотчасъ же поставилъ ихъ на надлежащія рельсы: «вамъ прибавка въ 90 рублей, за вашъ каторжный трудъ? Просите прибавку, хотя въ 150 рублей.» Рабочіе ухмыльнулись, почесали въ затылкѣ и переписали свое прошеніе въ сосѣднемъ трактирѣ, прося уже не 90, а 200 рублей прибавки, каковыя и были даны Управою, а Городской Думѣ объ этомъ было доложено лишь для свѣдѣнія, какъ о совершившемся фактѣ. Когда я обратилъ вниманіе Городского Головы на то, что такой расточительности не выдержитъ никакая касса, онъ отвѣтилъ: «денегъ достанемъ» — Гдѣ же и какъ можно достать деньги? — спросилъ я. «Банки дадутъ» былъ отвѣтъ, «а не дадутъ, такъ рабочіе возьмутъ силою.»

Послѣ этого отвѣта, я понялъ, что продолжать разговоръ на эту тему съ революціоннымъ Городскимъ Головой бесполезно. Но ни

съ чѣмъ не сообразными прибавками рабочимъ, Никитскій, очевидно, не ограничился въ своей дѣятельности. Ю. Н. Глѣбовъ въ послѣдствіи жаловался на то, что Никитскій «чортъ знаетъ, что натворилъ въ Управѣ.»

Первыя реформы пополненнаго состава Думы заключались въ увольненіи всѣхъ чиновъ наружной полиціи (хотя увольнять въ сущности было некого, такъ какъ всѣ они были перестрѣлены или скрылись), и замѣнѣ ихъ надежными, соответствующими духу революціи, элементами, съ переименованіемъ полиціи въ милицію, а также въ подчиненіи Градоначальника Городскому Головѣ, въ качествѣ его Товарища. Градоначальникомъ Временное Правительство назначило профессора Военно-Медицинской Академіи, занимавшаго кафедру сифилидологіи. Новый Градоначальникъ, Юрьевичъ, не возражалъ противъ подчиненія его Городскому Головѣ и прибылъ въ Думу неизвѣстно для чего, вѣроятно, съ цѣлью произнести, соответствующую моменту, рѣчь о побѣдоносномъ шествіи революціи. Градоначальникъ, видимо, во время произнесенія рѣчи въ Городской Думѣ, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, очень смущался, и постоянно останавливался, теръ себѣ лобъ при подысканіи, терминовъ, восхвалявшихъ революцію.

Вновь созданная милиція была признана городскимъ учрежденіемъ, изъята изъ вѣдѣнія Градоначальника и ея начальникомъ былъ избранъ Городскою Думою гласный, архитекторъ, Д. А. Крыжановскій, ранѣе признававшійся Городскою Думою непригоднымъ ни на какую выборную должность. Въ помощь себѣ, онъ пригласилъ рабочихъ, съ которыми просиживалъ съ утра и до поздняго времени за обсужденіемъ разныхъ новыхъ для него и для нихъ вопросовъ о безопасности столицы въ полицейскомъ отношеніи. О полиціи благосостоянія, конечно, никто не думалъ и понятія не имѣлъ. Да и весь смыслъ углубляемой революціи состоялъ въ уничтоженіи благосостоянія гражданъ.

Гдѣ же былъ взять и изъ кого состоялъ новый кадръ лицъ, привлеченный къ охранѣ столицы и замѣнившихъ наружныхъ чиновъ полиціи? Мировой Судья, Н. А. Окуневъ, вѣдавшій дѣлами малолѣтнихъ преступниковъ въ Петроградскомъ столичномъ мировомъ округѣ, мнѣ рассказывалъ, что, проходя по улицамъ Петрограда, онъ замѣтилъ много молодыхъ людей, подростковъ, 17—18 лѣтъ, съ винтовками черезъ плечо, фізіономіи которыхъ показались ему знакомыми. Вглядываясь пристально и припоминая, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ ихъ видѣлъ, онъ во многихъ изъ нихъ при-

навалъ малолѣтнихъ преступниковъ, судившихся у него ранѣе за кражи, растраты, присвоенія и мошенничества и вообще за проступки, влекущіе за собою тюремное заключеніе.

Первыя дѣйствія, которыми ознаменовали себя малолѣтніе милиціонеры, была экономическая забастовка съ требованіемъ, предъявленнымъ къ городу, утроить опредѣленный имъ окладъ жалованья. Дабы не оставить столицу совершенно беззащитною противъ усилившихся кражъ и грабежей, Городская Дума поторопилась удовлетворить требованія забастовщиковъ.

Большую сенсацію въ Городской Думѣ, да и въ городѣ также, произвела высказанная къ то мысль о торжественномъ погребеніи жертвъ революціи. Дабы не отставать отъ западно-европейскихъ революціонныхъ образцовъ и въ этомъ случаѣ, рѣшили устроить такъ называемые «гражданскіе похороны.» Цѣлыя два засѣданія Дума посвятила выбору мѣста и установленію ритуала погребенія. Въ качествѣ экспертовъ были приглашены городскіе инженеры и архитекторы для обсужденія вопроса о планировкѣ, окружающей новое кладбище, мѣстности, о ея украшеніи, а равно о внѣшнемъ видѣ могилъ. Мѣстомъ погребенія была избрана площадь Царицына Луга, а, чтобы кладбище не оказалось вреднымъ въ санитарномъ отношеніи, рѣшили устроить, для помѣщенія гробовъ, особые цементные склепы. Затѣмъ приступили къ выработкѣ программы погребенія, но, главное—программы демонстративнаго несенія по улицамъ красныхъ гробовъ съ красными покойниками изъ различныхъ частей города, гдѣ были найдены жертвы. Эти процессіи, захвативъ почти весь городъ должны были направиться къ новому кладбищу, на Царицыномъ Лугу, ближе къ Михайловскому скверу. Объ одномъ только забыли,—не оказалось покойниковъ, ради которыхъ устраивалась вся церемонія гражданскихъ похоронъ, ибо со времени перестрѣлки, въ концѣ февраля, прошло уже около двухъ недѣль и тѣла жертвъ были преданы землѣ. Такая мелочь не могла конечно остановить людей, дѣлавшихъ революцію, да надъ этимъ фактомъ никто особенно и не задумывался. Покойники были позаимствованы изъ городскихъ больницъ, въ которыхъ въ свое время скончались отъ ранъ доставленные туда революціонеры, похороненные больничнымъ начальствомъ въ общеустановленномъ порядкѣ, т. е. съ отпѣваніемъ по церковному обряду. Чтобы не было особыхъ разговоровъ, были взяты изъ больницъ тѣла умершихъ, не имѣвшихъ родственниковъ, которые приходили бы ихъ навѣщать и освѣдомляться о здоровіи, а слѣдовательно и о ихъ смерти. Дѣла-

разнообразной публики сказалъ въ Александровскомъ залѣ членъ Государственной Думы, В.М. Пуришкевичъ, одновременно состоявшій и гласнымъ Городской Думы. Эта рѣчь была произнесена вечеромъ того дня, когда лакеи Императорскихъ Дворцовъ, извѣстные всему городу своими кражами съ Царскаго стола фруктовъ, свѣчей и винъ, которые они затѣмъ продавали почти открыто по дешевымъ цѣнамъ (и находили покупателей) собрали между собою 187 рубл. и гуськомъ по набережной Невы отправились въ Зимній Дворецъ предложить эти деньги Керенскому *на нужды революціи*. Этотъ лакейскій поступокъ на другой день петербургская пресса не преминула использовать въ цѣляхъ революціи, указывая, что даже лакеи не выдержали монархическаго режима и сборомъ денегъ на нужды революціи поспѣшили протестовать противъ существовавшаго при этомъ режимѣ гнета.

Въ такомъ же смыслѣ, какъ утренній лакейскій поступокъ по сбору денегъ на нужды революціи, была использована прессой и рѣчь В. М. Пуришкевича. Членъ Государственной Думы отъ Бессарабской губерніи отличался, какъ извѣстно, крайне правымъ направлениемъ. Всѣ его рѣчи въ Государственной Думѣ были направлены противъ лѣвыхъ теченій и проникнуты любовью къ Царю и Императорскому Дому. Въ Городской Думѣ онъ принадлежалъ къ партіи стародумцевъ и посѣщалъ собранія. Вполнѣ понятно поэтому любопытство толпы, собравшейся послушать этого праваго оратора, что то онъ скажетъ, какъ вывернется въ трудныхъ для него обстоятельствахъ, въ наступившіе тяжелые для Россіи дни. Однако, нѣтъ такого затруднительнаго положенія, изъ котораго изворотливый человѣческій умъ не нашелъ бы выхода. Увлеченный жаждой славы и стремлениемъ играть роль и при создавшейся обстановкѣ, правый депутатъ, къ общему изумленію, избралъ темой своей рѣчи личность Императрицы Александры Федоровны. Называя Ее злымъ гениемъ Россіи, онъ обвинялъ Ее въ сношеніяхъ съ Германцами, въ сообщеніи имъ плановъ по передвиженію и времени перехода нашихъ войскъ въ наступленіе, говорилъ, что по ея указаніямъ, не были посланы на фронтъ пулеметы, оказавшіеся будто бы во время революціи разставленными на крышахъ и на чердакахъ высокихъ домовъ, для обстрѣла возставшаго народа, а между тѣмъ пулеметы были такъ нужны въ сраженіяхъ при Карпатахъ, гдѣ былъ вообще недостатокъ въ вооруженіи и въ патронахъ, такъ что солдаты вынуждены были «коляями и камнями отбиваться отъ насѣдавшаго непріятели. Вотъ эти то обстоятельства, уже давно состав-

лось это по частному соглашенію съ больничными служителями. За каждый трупъ было, какъ говорили, уплочено, или по крайней мѣрѣ, отпущено для уплаты, по 50 рублей. Отчасти сошли за тѣла революціонеровъ и тѣла тѣхъ городскихъ, которыхъ «безкровная» революція продолжала разстрѣливать, гдѣ только могла.

Послѣ того, какъ Городская Дума, согласно плану, выработанному крайними лѣвыми партіями, явилась цитаделью революціи, сыгравъ въ этомъ отношеніи выдающуюся роль въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ, распространяя идеи соціалистическаго характера и даже создавая необходимые для революціи кадры, она послѣ 1-го Марта 1917 года сдѣлалась моднымъ мѣстомъ для словесныхъ упражненій лицъ, желавшихъ прославиться въ качествѣ активныхъ общественныхъ дѣятелей. Почти каждый изъ нихъ считалъ нужнымъ сказать хотя бы одну рѣчь, если не въ самомъ залѣ засѣданій Думы, то хотя бы въ сосѣднемъ Александровскомъ, гдѣ ранѣе устраивались приемы и рауты въ честь иностранныхъ и иныхъ почетныхъ гостей. Кстати и помѣщеніе Александровскаго зала было втрое больше Николаевскаго, въ которомъ засѣдала Дума. Около портрета Императора Николая II (съ первыхъ же дней революціи закрытаго, подобно всѣмъ остальнымъ портретамъ Царей и Царицъ, холстомъ), находилась трибуна, съ которой митинговые ораторы и стали произносить свои рѣчи. Послѣднія имѣли предметомъ одну и ту же тему : колоссъ на глиняныхъ ногахъ, гнилой монархизмъ, рухнувшій подъ единодушнымъ напоромъ народной воли и т. п. Словомъ, это было пережевываніемъ того, что писалось въ партійныхъ революціонныхъ воззваніяхъ и въ періодической печати. Когда же, среди повседневной дѣйствительности, выплывали неудачныя распоряженія Временнаго Правительства (а они всѣ были неудачны), то ораторы обиженнымъ тономъ доказывали, что такъ и нужно было ожидать и что во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что за наслѣдство выпало на долю Временнаго Правительства послѣ умершей монархической власти. На это, конечно, можно было возразить съ неменьшимъ резонансомъ, что когда наслѣднику достается невыгодное наслѣдство, съ которымъ онъ не въ силахъ справиться, то отъ него зависитъ отъ принятія такового отказаться. Но этотъ доводъ говорилъ противъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые серьезно полагали, что они именно и являются настоящими государственными людьми, лучше другихъ понимающими интересы своей родины.

Наиболѣе характерную рѣчь передъ пестрою толпою самой

лявшія предметъ городскихъ сплетенъ и были повторены и съ дрожью въ голосъ подробно развиты въ рѣчи В. М. Пуришкевича.

Для Пуришкевича его рѣчь имѣла свой результатъ: онъ собралъ шумныя, хотя и дешевыя рукоплесканія толпы, а на другой день имѣлъ удовольствіе прочесть въ газетахъ о томъ, что даже такой правый депутатъ, какъ онъ, не смогъ выдержать гнета царизма и счелъ своимъ патріотическимъ долгомъ разоблачать темныя дѣянія монархіи.

Таковъ удѣлъ и такова судьба русской революціи, которая захватила почти всѣхъ и все.

Все, рукоплеща, несло и мчалось вслѣдъ за ея торжествующей колесницей. «Великой и безкровной» величали ее временные скоморохи. Казалось, нѣтъ ничего равнаго ей въ силѣ . . .

Д. Демкинъ.

9-го Ноября 1293 года.

